

Ю. Ф. Самарин

Окраины России

**Серия первая. Русское
Балтийское поморье. Выпуск 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ю11

Ю11 **Ю. Ф. Самарин**
Окраины России: Серия первая. Русское Балтийское поморье. Выпуск 1 / Ю.
Ф. Самарин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 348 с.

ISBN 978-5-4241-3596-5

Окраины России. Серия первая. Русское Балтийское Поморье. Выпуск 1.

ISBN 978-5-4241-3596-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Всѣмъ извѣстно, что Русская заграничная пресса пріобрѣла у насъ худую, къ сожалѣнію вполне заслуженную славу. И не мудрено. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ ея воровавшихъ (Герцена и Шедо-феротти безъ различія) она служила не Россіи, а политическимъ интересамъ и ученіямъ сложившимся внѣ ея, и частью вовсе ей чуждымъ, частью положительно ей враждебнымъ. Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ стояли и стоятъ наши заграничные публицисты, Россія созданная исторіею ничѣмъ инымъ представляться не могла какъ препятствіемъ, помѣхою, или мертвымъ орудіемъ, чѣмъ то въ родѣ громаднаго тарана, годнымъ только для механическаго употребленія. Въ первомъ случаѣ, нужно было повалить или раздробить ее, а во второмъ — по крайней мѣрѣ напоить ее до потери историческаго самосознанія, чтобы воспользоваться ея силами для невѣдомыхъ ей цѣлей.

Теперь, замыслы и виды обращенной къ Россіи заграничной пропаганды всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ окончательно выяснились для всѣхъ способныхъ видѣть, и окончательно отвергнуты всѣми способными вразумиться. Это важный успѣхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ распространилось очень естественное предубѣжденіе противъ самаго орудія приспособленнаго ею къ

II

дѣлу и какъ будто навсегда испорченнаго этимъ употребленіемъ его намъ во зло. При такомъ общемъ настроеніи, всякій прибѣгающій къ тому же орудію, разумѣется въ другихъ видахъ, не только имѣетъ право позаботиться объ огражденіи себя отъ подозрѣній болѣе чѣмъ вѣроятныхъ, но даже, до нѣкоторой степени, обязанъ передъ публикою предупредить недоразумѣнія, высказавъ на первыхъ же порахъ, положительно и ясно, чего онъ хочетъ и чего не хочетъ.

Я сдѣлаю это въ короткихъ словахъ.

Какъ Русскій, желающій посылить *моей* родинѣ и въ *мое* время, я не принадлежу ни къ какой политической партіи, даже не признаю разумной причины къ образованію въ современной Россіи какихъ либо партій свойства *политическаго*, въ серьезномъ значеніи этого слова. Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не социалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ. Я убѣжденъ, что долѣебъ днѣви злорада его и что далеко еще не наступило для Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (чтобы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна *нравственно* какъ теперь; думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не моглабы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко, такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и *безпритязательнымъ* содѣйствіемъ народныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; вѣрно держусь той вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту) что, *по существу своему*, самодержавіе отнюдь не несовмѣстно съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно нуждаемся, что наконецъ вопросъ теперь не въ томъ: какая форма правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ

двухъ побужденій, періодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ.

Если восторжествуетъ первое, то оно дастъ просторъ нашимъ національнымъ стремленіямъ и, тѣмъ самымъ, укрѣпитъ за нами наши государственныя окраины; ибо Россія, развязанная у себя дома, вѣрная своему историческому призванію, непремѣнно понесетъ и туда *дѣйствительную* свободу для всѣхъ, поставитъ на ноги народныя массы и подниметъ ихъ духъ — а на всѣхъ нашихъ окраинахъ (къ счастью не вполне нами заслуженному) народныя массы все еще за насъ. На оборотъ, второе побужденіе повелобы къ систематическому давленію внутри и къ неразлучному съ тѣмъ послабленію на нашихъ окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ, тяготящимъ къ заграничнымъ центрамъ. Повторяю: давленіе дома, послабленіе на окраинахъ — одно другимъ обусловливается. Мы это можемъ видѣть на каждомъ шагѣ. Кто напентываетъ правительству, что оно слишкомъ далеко зашло на пути либеральныхъ реформъ и пугаетъ его полусвободою нашей печати, присутствіемъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и всесловнымъ выборомъ мировыхъ судей; кто проповѣдуетъ необходимость подтянуть, обуздать и осадить Русское общество, двинувъ противъ него аппараты полицейской власти, тотъ въ то же время заягрываетъ съ Польскою шляхтою и молча пасуетъ при встрѣчѣ съ Балтійскимъ рыцарствомъ; равномерно, кто внутренно благоговѣетъ передъ Балтійскою и Польскою гражданственностью и лепчетъ про себя мысль украсить Россію пересадивъ на почву ея политическіе идеалы заимствованные у окраинъ, тотъ, вопреки кающемуся либерализму своихъ стремленій, по крайней мѣрѣ своихъ фразъ, оскорбляется въ глубинѣ души лепетомъ недавно пробудившейся Русской мысли, и, не будучи въ состояніи усыпить ее вновь, по крайней мѣрѣ отравляетъ ей полусвободу гласнаго вы-

раженія, только что ею полученную через его же руки. Повидимому, у этихъ двухъ людей точки отправленія совершенно различныя; но они приходятъ къ однимъ результатамъ, и потому, разъ встрѣтившись, пойдутъ рука объ руку до конца. . . .

„Вотъ новости!“ — подумаетъ можетъ быть иной читатель — „необходимость самодержавія, свобода національных стремленій, укрѣпленіе окраинъ — да это все оффиціальная фразаология извѣстная всѣмъ и каждому изъ Высочайшихъ рескриптовъ и множества всякихъ циркуляровъ. Если пришла охота повторять и паразитировать ихъ, то почему не дѣлать этого дома и съ какой стати, по казенной программѣ, начинать издаваніе за границею?“

На вопросъ, я отвѣчу другимъ вопросомъ: когда на крышѣ показывается дымъ, что дѣлать простому обывателю, не должностному лицу, не отвѣтственному блюстителю безопасности и не пожарному служителю?

— „Поднять тревогу, будить народъ, бить въ набатъ.“

— Хорошо! Но если величественный сторожъ, мѣрными шагами расхаживающій по улицѣ, говоритъ, что это все вздоръ и что опасности нѣтъ; если, по особенному свойству своего политическаго темперамента, онъ предпочитаетъ пожаръ всякой тревогѣ, даже бѣготнѣ толпы вооруженной вѣдрами, лѣстницами и баграми; если онъ вчера завѣрялъ хозяина, которымъ онъ приставленъ, что пожара не будетъ и непремѣнно хочетъ донести ему завтра, что всё обстоитъ благополучно; если въ ту минуту какъ обыватель собирается звать на помощь и ударить въ набатъ, сторожъ зажимаетъ ему ротъ и вырываетъ у него изъ рукъ веревку — тогда что дѣлать?

— „Идти домой, лечь спать и съ сторожемъ не ссориться. Вѣдь отвѣтчикъ всётаки онъ, а не вы.“

— Положимъ что онъ, по крайней мѣрѣ ближайшій; положимъ даже, что завтра, послѣ пожара, его отставятъ; но за ночь

деревня всётаки сгоритъ и сторожъ ея не выстроитъ. Чтожъ дѣлать обывателю, если онъ рѣшительно не хочетъ горѣть?

— „Пожалуй: не теряя времени, перейти въ сосѣдній приходъ, гдѣ нѣтъ такого сторожа, и постараться оттуда подать пожарный сигналъ.“

Второй совѣтъ нравится мнѣ больше чѣмъ первый и, кажется, разумнѣе перваго.

На окраинахъ Россіи, особенно Сѣверозападной и Балтійской, пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ, недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ; уголья всё еще тлѣютъ подъ золою, а ужъ многіе, и въ томъ числѣ учредители новыхъ порядковъ, начинаютъ говорить громко, что вся бѣда не отъ поджигателей, а отъ пожарной команды и что нужно поскорѣе разогнать ее, такъ какъ, заливая огонь и срывая горѣвшія крыши, она кобгдѣ перебила панскія зеркала, загрязнила ковры и разметала заборы. Въ другомъ мѣстѣ, накаплиются горючіе матерьялы и безыменныя корреспонденціи, разсылаемыя оттуда во всё иностранныя газеты, грозятъ намъ всякими бѣдствіями. Это тѣже подметныя письма, писанныя въ Россіи и для Россіи, но перебрасываемся съ намъ изъ за границы. Конечно, въ этомъ случаѣ, дерзость нисколько не признакъ силы, а не болѣе какъ невольное и не совсѣмъ осторожное обнаруженіе затаенныхъ побужденій, которыхъ многіе у насъ и не подозрѣвали. Пугаться этихъ угрозъ былобы смѣшно; но, съ другой стороны, не благоразумно былобы и пренебрегать ими.

Наше положеніе на окраинахъ существенно разнится отъ положенія нашего внутри Россіи. Здѣсь, оплошность, ошибка, фальшивая мѣра, вредятъ отрицательно, ослабляя насъ, но никого не усиливая на нашъ счетъ, сдерживая и тормозя естественный ходъ нашего развитія, но всётаки не измѣняя его направленія. Намъ это не въ диковинку и мы, Русскіе, какънибудь оттерпимся, переждемъ, и ужъ навѣрное не воспользуемся

ошибкою для увеличенія зла. Это даже не мыслимо, потому что у насъ нѣтъ и быть не можетъ антирусскихъ цѣлей. Не такъ на окраинахъ. Тамъ имѣются наготовѣ, въ полномъ сборѣ, силы прямо намъ враждебныя, съ тою именно цѣлью вышколенныя, чтобъ обращать въ наступательное противъ насъ орудіе всякую нашу ошибку и пользоваться намъ во вредъ каждою потерянною нами минутою. Тамъ, всё что мы дѣлаемъ не въ попадъ, или чего не дѣлаемъ вовсе тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать, приноситъ намъ ущербъ прямой, положительный, часто неисправимый.

Въ своемъ приходѣ, будить людей нельзя — это ужъ дозволено рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на Пражскомъ Вышеградѣ скромную, пожарную каланчу. — Авось увидятъ сигналъ изъ дому.

„Отчегоже именно въ Прагѣ?“ — спросить можетъ быть иной любопытный читатель. А вотъ отчего: само собою разумѣется, что я имѣю въ виду, главнѣйшимъ образомъ, моихъ соотечественниковъ, Русскую публику, но не ее одну. Клеветы на Россію и на ея правительство, изобрѣтаемыя въ нашихъ предѣлахъ и распускаемыя за границею на всѣхъ языкахъ, дѣйствуютъ въ Европѣ не одинаково. Во Франціи, въ Германіи и въ Англіи, онѣ встрѣчаютъ, не то чтобы полную вѣру, а полную готовность принять всякій вымыселъ за правду. Тамъ, общественное мнѣніе на столько застарѣло въ своихъ предубѣжденіяхъ и такъ привыкло считать свое враждебное къ намъ расположеніе принадлежностью высшей цивилизаціи, что для него уже нѣтъ и вопроса о правдѣ и неправдѣ. Мы давно осуждены и приговорены по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, такъ что, кто бы на насъ ни доносилъ или ни жаловался, Полякъ, Нѣмецъ, Черкесъ или Татаринъ, всё напередъ оправлено. Не такое впечатлѣніе производятъ тѣже распускаемые про насъ слухи на Славянъ, всѣхъ

вообще (кроме конечно Поляковъ). Они смущаются ими и не хотѣли бы давать имъ вѣры; мало того, они часто протестуютъ противъ нихъ, даже не имѣя подъ рукою фактовъ для нихъ опроверженія, а просто по какомуто вѣрному историческому чутью, и потому еще, что находясь сами подъ опалою Европы, они по опыту знаютъ до какой степени безстыдства можетъ довести чувство племеннаго соперничества. Во всякомъ случаѣ, Славяне, и они одни, хотятъ и могутъ выслушивать насъ спокойно и безпристрастно. Съ Франціею, Англіею и Германіею, мы можемъ спорить, договариваться, входить въ соглашенія и сдѣлки какъ держава съ державою, но оправдываться передъ тамошнею публикою и стараться вразумить ее, значилобы только, безъ всякой пользы, жертвовать своимъ достоинствомъ и пускать слова на вѣтеръ. *) Единственная среда, къ которой мы можемъ относиться нашею народною совѣстью, общественнымъ мнѣніемъ которой мы можемъ и должны дорожить, это міръ Славянскій. И вотъ почему я становлюсь ближе къ нему и начинаю свое изданіе именно въ Прагѣ, какъ средоточіи западно-Славянскаго просвѣщенія.

Цѣль моя очень скромна и проста. Я желатъ бы, во первыхъ, дать возможность моимъ соотечественникамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые бываютъ за границею, узнавать объ окраинахъ Россіи то, чего имъ не говорятъ дома и о чемъ имъ не позволяютъ говорить; я разумѣю тѣ обвинительные процессы противъ Россіи и ея правительства, которые ведутся теперь преимущественно на Нѣмецкомъ діалектѣ, передъ судомъ западной Европы, вѣрноподданными Россійскаго Императора Нѣмецкаго и Польскаго происхожденія, и тѣ такъ называемыя у

*) Присутствіе Государа Императора въ Парижѣ и предпосланная его поѣздкѣ амнистія сосланнымъ Полякамъ, конечно, были краснорѣчивѣе всякой журнальной статьи или дипломатической ноты. А какъ отозвалась на это Франція?

УШ

насъ канцелярскія тайны, которыя, какими-то непостижимыми путями, прямо изъ нашихъ министерствъ и главныхъ управленій, перелетаютъ черезъ головы нашей публики въ иностранныя газеты, для назиданія Европы. Во вторыхъ, я желаю бы, въ мѣру силъ моихъ, простымъ возстановленіемъ искажаемыхъ фактовъ, противодействовать антирусской пропагандѣ и знакомить Славянскую публику съ призваніемъ и дѣйствіями нашего правительства въ предѣлахъ тѣхъже нашихъ окраинъ. При этомъ, я претендую на право защищать за границею государственные и народныя интересы Россіи противъ Балтійскаго и Польскаго провинціализма также свободно, какъ на примѣръ ГГ. фонъ Бокъ, фонъ Сиверсъ и другіе, ихъ же имя легіонъ, защищаютъ передъ западною Европою свои провинціальныя интересы противъ Россіи.*)

Первая серія открываемаго мною изданія посвящается Русскому Балтійскому поморію; вторая будетъ посвящена Сѣверо-западному краю, третья можетъ быть Польшѣ, Югозападному краю и т. д.

Само собою разумѣется, что при скудныхъ моихъ средствахъ, я бы и не подумалъ приступать къ такой задачѣ, еслибъ не

*) Вызывая Русскую прессу на публичный судъ передъ Европою, Г. Егоръ Сиверсъ говоритъ: „я надѣюсь и предполагаю, что когда дѣло дойдетъ до представленія съ моей стороны опроверженій, я не встрѣчу на пути своемъ ни вещественныхъ, ни личныхъ препятствій“ (Appel an die Europäische Oeffentlichkeit etc. 1865). Бывшій вице-президентъ Ливляндскаго Гессерихта фонъ Бокъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, заявляетъ о своемъ намѣреніи напечатать какойто Сенатскій указъ и прибавляетъ: „если только залпечнымъ мастерамъ Московскихъ Стрѣльцовъ (то есть, такъ называемой Старорусской партіи) не удастся, наче чаянія, заткнуть мнѣ глотку“ (Livländische Beiträge B. 1. Lief. 11. S. 72 anmerk.). Сколько мнѣ извѣстно, ни Г. фонъ Сиверса, ни Г. фонъ Бокка никто не тревожилъ — и слава Богу! Радуюсь этому искренно, и не столько для себя лично, сколько для чести Русскаго правительства. Пора наконецъ доказать, что намъ нечего бояться и нечего скрывать.

надѣясь, что найдутся люди, лично мнѣ незнакомые, но близко знающіе настоящее положеніе дѣлъ въ той или другой изъ нашихъ пограничныхъ областей и раздѣляющіе мое убѣжденіе въ пользѣ приподнимать, хотя бы по временамъ, завѣсу скрывающую ихъ отъ Россіи. Можетъ быть, они не откажутъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Какъ матерьялъ я приму съ благодарностью даже отрывочныя указанія, справки, документы, выписки и простыя извѣстія; но полныя обзорѣнія или монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, хотябы въ сыромъ и не обработанномъ видѣ, былибы еще нужнѣе и полезнѣе.

Въ особенности, прошу будущихъ моихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ не основываться на слухахъ, а исключительно на несомнѣнныхъ фактахъ, тщательно провѣрять достоверность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, указывать на источники (хотя бы для моего только свѣдѣнія а не для обнародованія) и, по возможности, прилагать документальныя подтвержденія.

Для отличія статей доставленныхъ отъ писанныхъ мною, я буду выставять подъ первыми слово „сообщено,“ а имена лицъ участвующихъ въ моемъ изданіи будутъ оставаться тайною для всѣхъ, развѣ бы самъ авторъ присланной статьи потребовалъ, чтобъ она явилась за его подписью.*)

Ни числа выпусковъ, ни времени ихъ выхода впередъ опредѣлить нельзя. Это будетъ зависѣть, главнѣйшимъ образомъ, отъ степени сочувствія которое я встрѣчу и отъ количества доставляемыхъ мнѣ матеріаловъ.

Польскіе пропагандисты давно насъ опередили; они овладѣли почти всѣми органами иностранной журналистики, наполнили книжныя лавки летучими произведеніями своего неистощимаго воображенія и, дѣйствительно, достигли всего чего можно

*) Мой адресъ, за границу: въ Прагѣ, въ редакцію газеты „Politik“ а въ Россіи: въ Москвѣ, на Орданскѣ, въ Толмачахъ, въ домѣ Графини Саллогубъ.

было достигнуть этимъ путемъ, имѣя противъ себя правду. Теперь, слѣдуя ихъ примѣру и въ подмогу имъ, выступаетъ дружная фаланга публицистовъ Балтійскаго поморія, издавна называющихъ себя нашими учителями и образцами. Они, располагающіе несравненно большими средствами чѣмъ Поляки или чѣмъ мы Русскіе, такъ какъ нѣтъ у насъ такой канцеляріи, въ которойбы они не имѣли *своихъ*, переносятъ также свою дѣятельность за границу, выпуская о своемъ краѣ множество брошюръ и корреспонденцій. Нѣкоторые изъ нихъ прямо вызываютъ насъ на публичный диспутъ. Почему бы не принять вызова и не пойти за ними на набранное ими поприще?

Въ одномъ только я позволю себѣ не послѣдовать ихъ примѣру. Лифляндскіе и Курляндскіе рыцари, за не многими исключеніями, обыкновенно выходятъ на составленіе съ опущенными забралами — я же не привыкъ къ этому тяжелому убранству и потому подписываюсь полнымъ именемъ.

ЮРІЙ САМАРИНЪ.

Прага,
Декабрь 1867.